

Говард Филлипс Лавкрафт

Герберт Вест, реаниматор

(Herbert West – Reanimator)

I. Возвращение из тьмы

О Герберте Весте, с которым в ранней юности мы были друзьями, ныне я не могу говорить без крайнего ужаса. И ужас этот не столько связан со зловещими обстоятельствами его недавнего исчезновения, сколько порожден родом его деятельности. Впервые мне стало по-настоящему страшно семнадцать лет назад, когда мы вместе учились на втором курсе медицинского факультета Мискатоникского университета в городе Аркхеме. Пока Вест был рядом, чудесная и демоническая природа его экспериментов вызывала во мне живейший интерес, и потому я принимал в них самое активное участие. Теперь, когда он исчез и чары рассеялись, все чувства затмил страх: воспоминания прошлого и таинство грядущего, как никогда, туманны, вытеснены кошмаром реальности.

Вскоре после нашего знакомства случилось нечто, ставшее самым жутким впечатлением моей жизни. Ценой невероятных усилий я преодолел отвращение и теперь могу все рассказать. Произошло это во времена нашего обучения на медицинском факультете. Вест уже тогда пользовался недоброй славой благодаря своим диким теориям относительно смерти и возможностей ее искусственного преодоления. Взгляды его были излюбленным предметом насмешек среди преподавателей и товарищей по учебе. Они основывались на механистическом восприятии природы живого, а разработки были направлены на открытие способов манипуляции частями человеческого тела с помощью тщательно просчитанного химического воздействия после того, как тело покинула жизнь. В ходе экспериментов с различными оживляющими растворами Вест убил и изувечил несметное множество кроликов, морских свинок, кошек, собак и обезьян, чем навлек на себя негодование всего колледжа. В нескольких случаях ему действительно удалось вызвать признаки жизни (весьма пугающие!) у умерших животных. Вскоре он осознал, что для успеха, если таковой в принципе достижим, исследованиям придется посвятить всю жизнь. Еще стало очевидно, что, поскольку один и тот же раствор не действовал одинаково на разные виды, для дальнейших, узконаправленных разработок понадобятся опыты на человеке. Именно тогда Вест впервые пошел на конфликт с руководством колледжа и был отстранен от экспериментов деканом медицинского факультета — высокопрофессиональным и неизменно благожелательным доктором Алланом Холси, чья великодушная помощь больным памятна старожилам Аркхема.

Я всегда относился к исканиям Веста с пониманием и исключительной терпимостью. Мы часто обсуждали его теории, развитие которых множило невероятные гипотезы и должно было в будущем дать человечеству едва ли не безграничные возможности. Утверждая вслед за Геккелем, что жизнь есть исключительно результат химических и физических процессов и что так называемая душа — миф, мой друг был убежден: искусственное восстановление жизнедеятельности в мертвом организме зависит лишь

от состояния тканей. Иными словами, если процесс разложения клеток еще не начался, с помощью определенных препаратов тело, обладающее полным комплектом необходимых органов, можно вернуть к той специфической форме существования, которую принято именовать жизнью. При этом Вест прекрасно понимал, что психическая и интеллектуальная деятельность тела, возвращенного к жизни, может быть нарушена вследствие незначительного повреждения чувствительных клеток головного мозга. Это было неизбежно даже при условии очень недолгого пребывания организма в состоянии смерти. Поначалу он уповал на то, что определенный реагент поможет запустить процесс восстановления жизненных процессов еще до того, как смерть наступит окончательно. Однако многочисленные неудачи, которые он претерпел, экспериментируя на животных, убедили его в несовместимости естественных и искусственных импульсов. Тогда Вест стал подбирать для своих опытов свежие экземпляры и впрыскивать растворы им в кровь немедленно после того, как жизнь затухала. Последнее обстоятельство и вызвало у профессоров скептическое отношение к исследованиям, ибо они полагали, что смерть не успевала наступить. Хотя при этом внимательно и с неизменной серьезностью наблюдали за происходящим.

Вскоре после того, как на эксперименты был наложен запрет, Вест признался мне, что принял решение: любой ценой найти способ добывать свежие тела и тайно продолжить изыскания. Слушать его идеи мне было жутковато, поскольку ранее никогда не приходилось самостоятельно добывать анатомический материал. Если морг не предоставлял требуемого, в ход обычно пускали парочку местных негров, у которых согласия не спрашивали. Сам Вест в те времена был низкорослым, худым и очкастым юнцом с тонкими чертами лица, волосами цвета соломы, бледно-голубыми глазами и мягким голосом. Странно было слышать от него рассуждения о недостатках кладбища Крайст-Черч по сравнению с погостом, где хоронили бедняков и бродяг. Главный минус состоял в том, что практически всех покойников на Крайст-Черч бальзамировали. Для целей, которые преследовал Вест, это было неприемлемо.

К тому времени я стал его преданным помощником и принимал самое активное участие в решении всех важных вопросов, касающихся не только источника подопытных тел, но и территории осуществления жутких планов. Именно я предложил перенести место исследований на заброшенную ферму Чепмана, что за Медоу-Хиллом. Там на первом этаже мы оборудовали лабораторию и операционную, завесив окна темными шторами, призванными скрыть от посторонних глаз наши полуночные деяния. Дом стоял в стороне от дороги и вдали от жилых построек. Это, однако, не отменяло необходимости мер предосторожности, ибо слухи о странных огнях, пущенные случайными ночными скитальцами, могли привести к катастрофе. Между собой мы договорились, что, если нас обнаружат, будем твердить о химической лаборатории.

Постепенно мы снабдили это зловещее прибежище науки необходимыми материалами: некоторые приобрели в Бостоне, другие тайком позаимствовали из колледжа. Все замаскировали так, что определить природу материалов смог бы только специалист. Кроме того, мы запаслись заступами и лопатами — для захоронения тел в подвале дома. В колледже для этих целей имелась кремационная печь, но наш скромный бюджет не позволял приобрести столь дорогостоящее оборудование. (Трупы всегда доставляли множество трудностей, даже если речь шла о морской свинке, умершей в

результате незаконных экспериментов в комнате общежития, которую занимал Вест.)

Словно вампиры, мы напряженно следили за некрологами и местной газете, выискивая материал, обладающий строго определенными свойствами. Для наших опытов подходили лишь тела, которые были преданы земле вскоре после кончины и без всякой искусственной консервации; предпочтительно не испорченные серьезным заболеванием и непременно с полным набором жизненно необходимых органов. Больше всего надежд возлагалось на жертвы несчастных случаев. Не каждую педелю удавалось найти подходящего покойника, даже притом, что мы регулярно связывались с моргом и больницей якобы от лица руководства колледжа и делали это так часто, как только позволяла элементарная осторожность. Оказалось, что колледж пользуется в подобных делах неизменным преимуществом выбора. Так что, возможно, имеет смысл остаться в Аркхеме и на лето, когда учебные занятия практически прекращаются, кроме нескольких факультативов так называемой летней школы.

В конце концов удача нам улыбнулась: дошли слухи об экземпляре, идеально соответствовавшем всем требованиям и только что похороненном на кладбище для бедняков. Это был крепкий и мускулистый молодой работяга, который накануне с утра утонул в пруду Саммерс-Понд и был погребен на средства муниципалитета без всяких отсрочек или искусственной консервации. В тот же день мы обнаружили свежее захоронение и решили взяться за дело после полуночи.

Это отвратительное мероприятие осуществилось в те короткие часы, когда над миром царит абсолютный мрак, — мы еще не знали особенного ужаса перед ночными кладбищами, который нам внушили более поздние события. Извлечение трупа из-под земли — работа долгая и очень грязная. Будь мы художниками, а не учеными, наверное, увидели бы в этом нечто зловеще-поэтическое. В общем, когда лопаты уткнулись в деревянные доски, мы очень обрадовались. Очистим сосновый ящик от земли, Вест спрыгнул в яму, приподнял крышку и, вытащив наружу его содержимое, установил тело в вертикальное положение. Я нагнулся, протянул руки и выволок труп из могилы. Затем понадобилось немало усилий, чтобы привести захоронение в прежний вид. Надо сказать, что все происходящее вызвало в нас нервную дрожь, особенно закоченевшее, негнущееся тело и лишенное выражения лицо нашего первого трофея. Однако нам удалось устранить все следы ночного визита. Зачерпнув лопатой и утрамбовав последнюю пригоршню земли, мы запихнули добытый экземпляр в полотняный мешок и отправились в свое убежище.

На импровизированном секционном столе в старом фермерском доме при ярком свете мощной ацетиленовой лампы наш объект не казался таким уж призрачным и потусторонним. Это был крепко сбитый молодой парень, явно лишенный воображения. Широкая кость, серые глаза, каштановые волосы — здоровое, сильное животное, чуждое психологических тонкостей. Все физиологические процессы в его теле наверняка протекали правильно и без сбоев, самым простейшим образом. Теперь, когда глаза были закрыты, он казался скорее спящим, чем мертвым. Впрочем, небольшой опыт, проведенный моим другом, со всей очевидностью показал, как обстоит дело. Наконец мы заполучили то, чего так долго жаждал Вест,— мертвого человека, идеально соответствующего всем требованиям и готового принять в свои жилы раствор,

составленный в результате сложнейших вычислений и умопостроений, предназначенный именно для человеческого организма. Мы оба находились в состоянии сильнейшего нервного напряжения. Отдавая себе отчет, что вряд ли удастся с первого раза приблизиться к успеху, мы опасались тех жутких последствий, к которым могло привести неполное оживление. Особенно тревожились по поводу сознания подопытного, так как после смерти наиболее чувствительные клетки мозга могли получить серьезные повреждения. Лично я все еще сохранял устаревшие представления о существовании человеческой души и испытывал сильное любопытство относительно тайн, которые мо-

жет раскрыть перед нами восставший из мертвых. Я думал о том, какие картины мог наблюдать юноша в недоступных миру живых пространствах и о чем он поведаст, если полностью возродится к жизни. Нельзя сказать, чтобы этот интерес занимал все мои мысли, ибо в большей степени мне были свойственны материалистические представления, исповедуемые моим другом. Он выглядел гораздо спокойнее меня, когда впрыскивал большую дозу своего раствора в вену на руке трупа, и сразу надежно перевязал место инъекции.

Последовало зловещее ожидание. Вест, впрочем, ни разу не дрогнул. Он регулярно подносил к объекту эксперимента свой стетоскоп и всякий раз философски принимал отрицательный результат. Когда спустя три четверти часа ни малейшего признака жизни не последовало, мой друг разочарованно произнес, что раствор плох, но, несмотря на это, он намерен использовать все возможности, предоставленные удачным стечением обстоятельств, и внести в формулу коррективы, а уж потом избавиться от отвратительного трофея. Еще днем мы заблаговременно подготовили в подвале могилу, которую следовало закопать до рассвета: несмотря на то что на двери старого дома был установлен замок, мы решили действовать со всеми предосторожностями, дабы избежать малейшего риска разоблачения. Кроме того, к следующему вечеру труп перестанет быть свежим.

Забрав с собою единственную ацетиленовую лампу, мы перешли в соседнее помещение, где размещалась лаборатория, оставив нашего безмолвного гостя лежать на столе в полном мраке, и направили свои силы и внимание на приготовление нового эликсира. Вес и объем его составляющих Вест отмерял с педантизмом фанатика.

Ужасное событие произошло неожиданно. Я как раз переливал какую-то жидкость из одной пробирки в другую, а Вест возился со спиртовкой, которая в этом здании, лишенном газового трубопровода, заменяла нам горелку Бунзена. Вдруг из погруженной во мрак соседней комнаты донеслась череда отвратительных, совершенно дьявольских воплей, подобных которым ни одному из нас ранее не приходилось слышать. Даже если бы ад разверзся и все мучения проклятых душ явились миру, вопли, рвущиеся из бездн преисподней, было бы проще описать человеческим языком. В невообразимом потоке кошмарных звуков, взорвавшем тогда тишину старой фермы, сосредоточился ужас вселенной и невыразимое отчаяние ожившего существа. Это не мог быть человек — он не способен издавать такие звуки! Мгновенно позабыв о своем занятии и о страхе разоблачения, мы с Вестом кинулись к ближайшему окну, как раненые животные, опрокидывая на пол пробирки, лампы, реторты. Словно безумные, ринулись в

освещенную звездами глубину первозданной ночи. Думаю, мы и сами орали как резаные, когда исступленно бежали через поля в сторону городка. Добравшись до ближайшей окраины, мы постарались взять себя в руки и придать своему поведению некоторую солидность — ровно настолько, чтобы хоть немного походить на запоздалых гуляк, ковляющих домой после ночной попойки.

Вместо того чтобы разойтись по домам, мы засели в комнате Веста и, не гася свет, прошептались там до рассвета. К утру нам удалось немного успокоить друг друга всевозможными разумными доводами и рассуждениями, а также планами дальнейших исследований. Затем мы проспали весь день напролет, разумеется прогуляв занятия.

Два сообщения в вечерней газете, на первый взгляд никак не связанные друг с другом, снова лишили нас сна. Во-первых, старый заброшенный дом на ферме Чепмана по непонятным причинам сгорел дотла. Это событие не слишком нас удивило — причиной мог стать опрокинутый светильник. Во-вторых, кто-то пытался раскопать свежую могилу на кладбище для бедняков, впрочем безуспешно: у осквернителя не было лопаты и он рыл землю руками. Вот этого мы объяснить никак не могли, потому что сами очень аккуратно закопали яму и утрамбовали грунт.

Спустя семнадцать лет после этого происшествия Вест частенько нервно оглядывался, жалуясь, что ему чудятся шаги за спиной. И вот теперь он сам исчез.

II. Демон чумы

Никогда не забуду, как шестнадцать лет назад по летним улицам Аркхема победоносно шествовал брюшной тиф. словно кровожадный демон из преисподней, он заглядывал и окна домов, ища очередную жертву. Казалось, бич дьявола обрушился на людей и ужас расправил свои перепончатые крылья над склепами кладбища Крайст-Черч, полными новых гробов. Однако мне то время запомнилось еще более невероятными кошмарами, коим после исчезновения Герберта Веста я был единственным живым свидетелем.

В то лето мы с Вестом, уже выпускники Мискатоникского университета, остались на медицинском факультете для выполнения последипломной работы. Друг мой сразу приобрел широкую и дурную славу, поскольку его эксперименты были связаны с попытками воскресить мертвых. После того как во имя науки было зарезано несметное число мелких грызунов, Весту запретили продолжать работу. Вероятно, по распоряжению декана, доктора Аллана Холси, который был настроен крайне скептически. Тем не менее Вест продолжал ставить тайком некоторые опыты, но не в лаборатории, а в общежитии — в своей сумрачной и грязной комнатухе. А однажды — мне никогда не забыть той страшной ночи! — выкопал человеческий труп из могилы на кладбище для бедняков и приволок его на заброшенную ферму в окрестностях Медоу-Хилла.

Я помогал ему в этом гнусном предприятии и видел, как он вколол в безжизненные вены мертвеца свой эликсир, который должен был хоть отчасти восстановить химические и физические процессы, именуемые жизнью. Закончилось все ужасно. Мы предпочли списать охвативший нас невообразимый страх на нервное напряжение, в

котором тогда оба находились. С тех самых пор мой приятель не мог отделаться от навязчивой мысли, что его кто-то преследует.

Добытое тело слишком долго находилось в могиле. Очевидно, восстановить умственные способности можно лишь в свежем экземпляре, еще не тронутым разложением. Поскольку старая халупа, в которой мы ставили опыты, сгорела, похоронить «нечто», появившееся на свет в результате неудачного эксперимента, не удалось. Лучше бы знать наверняка, что ужасная тварь покоится в земле!

После этого случая Вест на некоторое время забросил свои страшные опыты. Однако, по мере того как исследовательский пыл разгорался, он с пугающей настойчивостью и даже назойливостью уговаривал администрацию колледжа отдать в его распоряжение прозекторскую и предоставить свежие человеческие трупы для экспериментов, которые, как он считал, имели для науки огромное значение. Но мольбы оказались тщетны: доктор Холси был непоколебим, и вся профессура полностью разделяла мнение своего предводителя. Предложенную Вестом радикальную теорию реанимации они считали нелепым чудачеством зеленого юнца, который слишком далеко зашел в увлечении наукой. К тому же внешний вид моего приятеля — хрупкое и тщедушное телосложение, соломенного цвета волосы, голубые глаза за толстыми стеклами очков, мягкие интонации — не говорил о свойственной ему в действительности силе интеллекта и холодном рассудке. Я вижу его сейчас перед собой как живого, и мурашки бегают по моей спине. Со временем черты лица Веста стали решительнее, жестче, но обаяния ему, казалось, не прибавили. До тех самых пор, пока не случилось известное происшествие в сефтонской психиатрической лечебнице и мой друг не исчез.

В конце предыдущего семестра, незадолго до получения дипломов, между Вестом и доктором Холси разгорелся яростный спор. Надо сказать, что поведение моего приятеля не делало ему чести, а великодушный декан, напротив, был крайне вежлив и учтив. Весту казалось, что старшие коллеги ставят ему палки в колеса, по своему неразумию и недальновидности тормозят очень важную работу, оттягивают день великого открытия. Разумеется, впоследствии он сможет продолжить изыскания самостоятельно, но первые шаги необходимо сделать здесь и сейчас, пока есть шанс пользоваться исключительными возможностями университета.

С точки зрения юноши, подобного Весту, обладающего холодным и здравым рассудком, не существовало ничего более нелепого и отвратительного, чем поведение старших коллег, неспособных выйти за рамки традиционных представлений, игнорирующих некоторые положительные результаты, полученные во время опытов на животных, и упорно настаивающих на невозможности возвращения к жизни умершего человека. Лишь зрелость и мудрость были в состоянии помочь ему со временем понять природу непреодолимой косности мышления, свойственной нашим профессорам, которая явилась результатом деятельности многих поколений, воспитанных в пуританском духе, этот витиеватый сплав честности, добросовестности, преданности своему делу, порой великодушия, дружелюбия и непрременной ограниченности, узости мышления, нетерпимости к инакомыслию, рабского повиновения традиции вкупе с недостатком воображения.

С возрастом начинаешь благосклоннее относиться к таким, отчасти неполноценным и в то же время благородным, душам; понимаешь, что, в сущности, их единственный порок — робость. К тому же, являясь для простых смертных излюбленным объектом насмешек, они несут тяжкое бремя наказаний за интеллектуальные грехи вроде приверженности системе Птолемея, кальвинизма, антидарвинизма, антинищенства и иных разновидностей субботничества и ретроградства. Вест же, при всех его научных достижениях, был еще очень молод и не мог снисходительно воспринимать рассуждения старого доброго Холси и его эрудированных коллег. Медленно, но верно в нем копилась возмущение и обида, сдобренные желанием доказать этим напыщенным тупицам свою теорию, причем драматично и впечатляюще. Как это часто случается с незрелыми юношами, он строил самые изощренные планы и упивался мечтами о будущей мести, своем триумфе и о том, как однажды великодушно дарует прощение своим гонителям.

И вдруг на людей обрушилась Божья кара — ухмыляющийся демон смертельной болезни вырвался из самых глубин Тартара. К началу этого страшного бедствия я и Вест уже закончили обучение в университете, но решили остаться на дополнительные летние занятия. Когда брюшной тиф нанес первый удар по Аркхему, мы оказались в гуще событий. Количество инфицированных росло не по дням, а по часам. Лицензий на врачебную практику у нас еще не было, но дипломы уже имелись, и мы со всем возможным энтузиазмом ринулись служить обществу. Положение складывалось критическое; казалось, остановить эпидемию невозможно: умирало столько людей, что местные могильщики не справлялись со своими обязанностями. В спешке тела покойников предавали земле без предварительной обработки; временный склеп на кладбище Крайст-Черч был битком набит небальзамированными трупами. Последнее обстоятельство будоражило воображение Веста: ирония судьбы — столько свежайших экземпляров, а для его опальных исследований не нашлось ни одного! Мы были перегружены работой. Невероятное умственное и нервное напряжение привело к тому, что в сознании моего друга стали рождаться болезненные, я бы даже сказал — патологические идеи.

Благородные противники Веста были не менее изнурены и подавлены своими повседневными заботами. Колледж едва не закрыли; доктора медицинского факультета поголовно участвовали в борьбе с тифозной заразой. Наиболее самоотверженно вел себя доктор Холси, отдавая обществу все накопленные за многие годы познания, приходя на помощь больным даже в тех случаях, когда другие врачи опускали руки из-за крайне высокой опасности заразиться или по причине явной безнадежности пациента. Не минуло и месяца, как бесстрашный декан стал народным героем. Хотя сам он, казалось, не подозревал о собственной славе и стремился лишь к тому, чтобы остаться на ногах, несмотря на крайнюю физическую усталость и нервное истощение. Вест не мог сдержать восхищения при виде потрясающей силы духа, проявляемой его заклятым врагом, но тем яростнее жаждал доказать ему справедливость своих невероятных теорий. Воспользовавшись общей сумятицей, которая сказывалась и на организации работы колледжа, и на соблюдении правил муниципалитета по оказанию медицинской помощи, как-то ночью он похитил тело недавно умершего человека, тайком пронес его в университетскую прозекторскую и там, в моем присутствии, вколол в него новую модификацию оживляющего эликсира. На сей раз подопытный открыл глаза, но лишь

пялился в потолок с выражением леденящего душу ужаса на лице, а затем погрузился в состояние, из которого его уже ничто не могло вернуть. Вест заключил, что труп опять был недостаточно свежим: сыграл свою роль жаркий летний воздух. Тогда нас едва не застали с поличным — мы еле успели сжечь труп. Данное обстоятельство заставило Веста усомниться в целесообразности дальнейшего использования университетской лаборатории.

В августе эпидемия достигла своего пика. Мы с Вестом были чуть живы, а доктор Холси скончался четырнадцатого числа. Пятнадцатого состоялись спешные проводы, на которых присутствовали все студенты колледжа, купившие по этому случаю внушительных размеров венки. Впрочем, подношение учащихся затмили куда более эффектные венки и букеты от состоятельных граждан Аркхема и городских властей. Похороны, можно сказать, стали событием общественного значения: своей деятельностью покойный декан, несомненно, облагодетельствовал весь город.

После погребения все чувствовали себя подавленно и остаток дня просидели в баре Коммерческого Дома. Вест, потрясенный смертью своего главного оппонента до глубины души, тем не менее порывался излагать свои и без того известные мрачные теории и тем самым погружал всех присутствующих в еще большее уныние. По мере того как дело шло к вечеру, большинство студентов разбрелись по домам и служебным надобностям. Меня Вест уговорил «провести ночь с пользой». Хозяйка дома, где он снимал комнату, видела, как мы возвратились около двух часов ночи, поддерживая за плечи третьего человека, и сообщила мужу, что, видимо, вечер удался.

Язвительная матрона оказалась права, ибо около трех часов дом был разбужен криками из комнаты Веста. Когда хозяевам удалось взломать дверь, они обнаружили нас двоих, исцарапанных и сильно избитых, лежащими без сознания на испачканном кровью ковре. На полу повсюду валялись осколки реторт и инструменты, принадлежащие Весту. О том, куда подевался нападавший, красноречиво свидетельствовало распахнутое окно. Причем многие задавались вопросом: как он уцелел после прыжка со второго этажа на газон? К тому же в комнате нашли фрагменты странного одеяния. Придя в себя, Вест объяснил, что одежда не имеет никакого отношения к нападавшему и представляет собой образцы для бактериологического анализа исследований по распространению инфекционных заболеваний. Он велел бросить тряпье в большую печь и спалить. Полиции ночной посетитель был представлен как незнакомец. Явно нервничая, Вест заявил, что мы встретили его в одном из баров в центре города (каком именно, не помним) и почувствовали родственную душу. Нам было весело вместе, поэтому даже теперь не хотелось бы преследовать драчуна.

С той самой ночи на Аркхем обрушилась еще одна напасть, лично для меня более ужасная, чем тиф. Кладбище Крайст-Черч стало местом страшного преступления: ночной сторож был до смерти задран когтями, причем так, что принадлежность преступника к роду человеческому вызвала большие сомнения. В последний раз убитого видели живым далеко за полночь, а рассвет того же самого дня озарил картину, описать которую не поворачивается язык. Полиция допросила директора местного цирка, расположенного в соседнем городке, под названием Болтон, но тот клялся и божился, что ни один зверь не покидал свою клетку. Горожане, нашедшие тело

несчастливого, также заметили кровавый след, который тянулся от места преступления к временному склепу. Там возле самого входа на бетонном полу расплылась небольшая багровая лужа. Другая цепочка следов, уже менее отчетливых, вела в сторону леса, но терялась в траве.

Всю следующую ночь на крышах Аркхема плясали демоны, и вопли нечеловеческого безумия прорывались сквозь вой ветра. По улицам тифозного города блуждало проклятие страшнее чумы. Жители поговаривали, что это Демон чумы собственной персоной. Некая безымянная тварь проникла в восемь домов, сея жестокую смерть и справляя кровавые оргии. Безжалостное чудовище оставляло после себя бесформенные останки человеческих тел — в общей сложности семнадцать изувеченных трупов. Несколько человек видели «нечто», правда мельком и в темноте. Они утверждали, что это существо белого цвета, по силуэту напоминающее уродливую обезьяну или демона в человеческом обличье. Далеко не всех подвергшихся нападению потом удалось обнаружить: тварь удовлетворяла ненасытное чувство голода. В результате четырнадцать человек погибли; еще три тела нашли в зараженных домах (к моменту нападения они были мертвы).

На третью ночь разъяренная толпа горожан под предводительством полиции схватила чудовище в одном из домов на Крейн-стрит — улочке, примыкавшей к территории Мискатоникского университета. Мероприятия по захвату были тщательно продуманы и организованы, связь добровольцы поддерживали через домашние телефоны. Как только один житель квартала неподалеку от колледжа сообщил, что слышит звук когтей, скребущих оконную ставню, ловушка захлопнулась. Поскольку все горожане были предупреждены и подготовлены, дело ограничилось всего двумя новыми жертвами. Тварь остановила пуля. Впрочем, рана оказалась несмертельной, и чудовище, ко всеобщей радости с отвращением пополам, доставили в местную больницу.

Это был человек, несмотря на отвратительный взгляд, вызывающий тошноту, обезьянью бессловесность и дьявольскую свирепость. Перевязав рану, врачи отправили его в психиатрическую лечебницу Сефтона, где шестнадцать следующих лет он колотился головой об обитую войлоком стену палаты. До недавнего времени, пока не сбежал при обстоятельствах, о которых посвященные не распространяются. Больше всего жителей Аркхема поразила одна странность: когда чудовище отмыли, обнаружилось невероятное, оскорбительное сходство черт его лица с внешностью самоотверженного мученика и выдающегося ученого, три дня назад почившего в гробу на кладбище Крайст-Черч, — доктора Холси, всеобщего благодетеля и декана медицинского факультета Мискатоникского университета.

Не поддающийся описанию ужас и отвращение охватили пропавшего ныне Герберта Веста и меня самого. Я и теперь невольно вздрагиваю, вспоминая об этом, даже сильнее, чем в то утро, когда Вест сквозь бинты пробормотал: «Черт побери! Оно опять было недостаточно свежим!»

III. Шесть выстрелов при лунном свете

Странно выпускать из револьвера все шесть пуль, когда вполне хватило бы и одной. Впрочем, жизнь Герберта Веста и без того была полна странностей. Например, молодой

врач, только что окончивший колледж, редко умалчивает о принципах, по которым выбирает себе жилье и помещение для приема пациентов. А мой друг поступал именно так. Когда мы наконец-то получили дипломы, решили, что студенческая нищета осталась в прошлом. Впереди — собственная врачебная практика. Тщательнейшим образом продумывая каждое слово и стараясь не проболтаться, мы искали здание, стоящее особняком, вдали от жилых домов и поближе к кладбищу.

Скрытность, как правило, имеет веские причины. У нас они, конечно, были. Жесткие требования, предъявляемые к месту жилья и работы, объяснялись спецификой главного дела нашей жизни, которое вызывало у окружающих крайнюю антипатию. Внешне мы ничем не отличались от обычных врачей, но в нашем мозгу скрывались великие и пугающие задачи. Цель существования Герберта Веста лежала в туманных пределах неведомого и запретного, где он надеялся обнаружить тайну жизни и возродить холодный могильный прах для вечного бытия. Чтобы осуществить поставленную задачу, требовались особые материалы (например, свежие человеческие тела), а для удовлетворения такой потребности необходимо жить тихо и незаметно, к тому же недалеко от мест погребения.

Мы с Вестом сошлись во время обучения в колледже. Я оказался единственным из всех студентов и преподавателей, кто с сочувствием и интересом отнесся к его пугающим экспериментам, и постепенно стал неизменным помощником. Закончив колледж, мы держались вместе. Найти хорошее место сразу для двух врачей в одной компании не легко, но в конце концов благодаря связям и влиянию университета нам удалось получить приличную практику в Болтоне — фабричном городке неподалеку от Аркхема, где мы учились. Болтонская камвольная фабрика — самая крупная в Мискатоникской долине; ее рабочие, говорившие на самых разных языках, никогда не пользовались у местных врачей популярностью в качестве пациентов. Мы долго думали, где поселиться, и остановили свой выбор на ветхом доме в самом конце улицы Понд-стрит. От ближайших соседей нас отделяло пять нежилых строений, а от местного погоста — небольшой луг, перерезанный пополам узкой, но довольно густой полосой леса, раскинувшегося к северу от кладбища. Конечно, нам хотелось, чтобы расстояние было еще меньше, но для этого пришлось бы селиться на другой стороне луга, за пределами фабричных кварталов. Впрочем, мы не слишком расстраивались, ибо между нами и источником заветного экспериментального материала не было никого и ничего. Идти далековато, зато можно не волноваться, что кто-нибудь увидит, как мы таскаем из могил мертвецов.

Поначалу наша практика оказалась неожиданно большой — вполне достаточной, чтобы удовлетворить потребности молодых врачей, и более чем достаточной, чтобы стать обузой для двоих студентов, чьи главные интересы лежат в иной области. Рабочие фабрики были народом буйным: частые драки, нередко заканчивавшиеся поножовщиной, доставляли немало хлопот, не говоря о повседневных нуждах в медицинской помощи. Однако наши мысли витали вокруг секретной лаборатории, оборудованной в подвале, с длинным столом, ярко освещенным электрическими лампами. В короткие утренние часы мы с Вестом вкалывали новые растворы в вены безжизненных тел, которые по ночам приносили с бедняцкого кладбища. Вест как безумный ставил один опыт за другим, пытаясь найти средство возобновить в

человеческом теле жизненные процессы, остановленные смертью. Однако на его пути возникали новые и более страшные препятствия. Например, выяснилось, что каждой биологической особи нужна своя инъекция: то, что хорошо для морской свинки, человеку не подходит. Более того, каждому человеку требуется значительная модификация состава.

И тела должны были отличаться исключительной свежестью. Стоило тлению затронуть хрупкие ткани мозга, и полноценная реанимация становилась невозможной. Заполучить же едва остывший труп было очень трудной задачей. Раньше, во время нашего пребывания в колледже, Вест несколько раз попадал в ужасные ситуации и имел дело с телами, пролежавшими в земле слишком долго. Продукты частичной или дефектной реанимации были куда более устрашающими, нежели результаты опытов, потерпевших фиаско. У нас обоих сохранились самые жуткие воспоминания о подобных случаях. Со времени первого дьявольского мероприятия, которое мы устроили в заброшенном фермерском доме на Медоу-Хилле, близ Аркхема, мы чувствовали приближающуюся угрозу. Даже Вест — всегда спокойный и уравновешенный блондин с голубыми глазами, во многом напоминавший машину для научных исследований, — с содроганием признавался, что не может избавиться от ощущения преследования. Ему казалось, что кто-то ходит за ним по пятам. Истоки этого психологического обмана понятны: нервы у моего друга порядком расшатались; еще масла в огонь подливало сознание того, что по крайней мере один из оживленных нами мертвецов был до сих пор жив — кошмарное плотоядное чудовище, томящееся в Сефтоне, в палате с обитыми войлоком стенами. Был и еще один, самый первый, о котором мы так ничего и не узнали.

С объектами для экспериментов в Болтоне нам даже везло. Во всяком случае, ситуация складывалась куда лучше, нежели в Аркхеме. Не прошло и недели с новоселья, как в наши руки попала жертва несчастного случая. Тело удалось раздобыть в первую ночь после похорон. Мертвец даже успел открыть глаза, в которых засветилось что-то вполне осмысленное. Увы, подвел эликсир. Наверное, если бы мы располагали целым телом, успех был бы значительнее, но у бедняги недоставало руки. До начала января следующего года в наше распоряжение попали еще три экземпляра. С одним мы потерпели полный провал. Второй порадовал ярко выраженными мышечными движениями. Поведение третьего подопытного довело нас до дрожи: он самостоятельно сел на столе и издал нечленораздельный звук.

Затем настал продолжительный период, когда удача, казалось, от нас отвернулась: похороны случались редко, а если и происходили, покойники были сильно изглоданы болезнями или искалечены, так что использовать их было нельзя. Мы с Вестом очень внимательно и систематически отслеживали все случаи смерти и наводили справки об обстоятельствах, при которых они имели место.

Но вот однажды мартовской ночью нам удалось получить тело для своих опытов совершенно иным способом, нежели с кладбища для бедняков. Пуританский дух, господствовавший в обществе Болтона, ставил некоторые виды спорта, например бокс, вне закона. И как это всегда происходит, запрет дал прямо противоположный результат: тайные и, как правило, нечестные боксерские бои между фабричными рабочими были обычным делом; время от времени для участия в них приглашались и профессионалы низшей категории. Именно такой поединок состоялся в один из последних зимних

вечеров и закончился трагически, потому что к нам пришли двое поляков, которые робко прошептали свою просьбу, почти мольбу — помочь в одном чрезвычайно секретном и безотлагательном деле. Мы последовали за ними в брошенный сарай, где толпа жалких и напуганных иностранцев заворожено глядела на бесформенную черную массу, лежащую на полу.

Как оказалось, участниками поединка были Кид О'Брайен — неуклюжий и бестолковый увалень с совершенно не по-ирландски крючковатым носом, дрожащий теперь как осиновый лист, — и некто Бак Робинсон, по прозвищу Копоть Гарлема. Кид отправил негра в глубокий и, как показало медицинское обследование, занявшее не более пары секунд, и вечный нокаут. Это был омерзительный тип, похожий на гориллу, с непомерно длинными руками, о которых я не мог думать иначе, как только о «передних ногах». Выражение его лица наводило на мысли о тайнах долины Конго и о ритмичных звуках тамтамов под зловещим сиянием луны. Вероятно, при жизни это тело выглядело еще более зловещим, но земля носит и не таких уродов. Толпившиеся вокруг свидетели расправы трепетали от страха: они не знали, какую кару на них обрушит закон, если происшествие не удастся замять. Поэтому все были очень благодарны Весту, предложившему избавиться от трупа по-тихому. Уж я-то знал, о чем идет речь!

Окрестности, лишенные снежного покрова, освещал яркий лунный свет, когда мы вдвоем, одев мертвеца и закинув его руки себе на плечи, несли тело, поддерживая с двух сторон, по пустынным улицам и скверам к себе домой. Как это уже было одной ужасной ночью в Аркхеме. К дому мы подошли со стороны поля и втащили труп через черный ход. Затем спустили его по лестнице в подвал и сразу стали готовить к обычным опытам. Мы до нелепости боялись появления полиции, хотя специально выбрали для транспортировки трупа время, когда шансы натолкнуться на единственного патрульного, который обычно дежурил в этом районе города, были минимальны. Зато разочарование — безграничным: вдобавок к своему жуткому внешнему виду наша добыча оказалась совершенно невосприимчива ко всем растворам, которые мы вкалывали в чернокожую ручищу. Впрочем, все они готовились в расчете на белых мертвецов. Когда время стало близиться к рассвету, мы поступили с этим телом, как и с предыдущими, — оттащили его к лесистой полосе, отделяющей луг от кладбища, и похоронили, вырыв могилу ровно настолько, насколько позволяла смерзшаяся земля. Яма была не слишком глубокой, но ничуть не хуже предыдущих, например для экземпляра, который самостоятельно сел и что-то произнес. При свете тусклых фонарей мы аккуратно прикрыли свежую землю жухлой листвой и стеблями ползучих растений. Не оставалось почти никаких сомнений — полиция никогда не найдет труп.

На следующее утро я вновь занервничал, потому что один из пациентов принес слух о вчерашнем поединке и о том, что подозревают смертельный исход боя для одного из участников. У Веста появился еще один повод для беспокойства. Во второй половине дня ему пришлось отправиться по странному, весьма пугающему вызову. С одной итальянкой сделалась истерика в связи с пропажей пятилетнего сына, который рано утром отправился гулять и к обеду не вернулся. У матери проявились опасные симптомы, особенно учитывая ее слабое сердце. Поведение женщины казалась Весту нелепым: мальчик и прежде частенько убегал. Но итальянские крестьяне очень суеверны, они верят в приметы гораздо больше, чем в реальные факты. Около семи вечера мать умерла,

а ее обезумевший муж устроил Весту жуткую сцену и даже попытался его убить, возлагая на врача вину за то, что тот не смог спасти его супругу. Друзья еле удержали безумца, когда тот выхватил стилет, а Весту пришлось удалиться под звуки нечеловеческих воплей, проклятий и обещаний отомстить. Внезапное горе заставило несчастного забыть о ребенке, который до сих пор не найден. Между тем близилась ночь. Кто-то предложил прочесать лес, но большинство друзей семьи хлопотали вокруг умершей женщины и скорбящего мужчины. Можно вообразить, какую эмоциональную нагрузку выдержал Вест — ведь на него одновременно давили мысли о полиции и о свихнувшемся итальянце.

Около одиннадцати мы разошлись по своим комнатам, но я не мог заснуть. Полиция Болтона была чересчур хороша для такого маленького городка, и меня мучил страх: что произойдет, если обстоятельства вчерашней ночи вдруг станут известны? Скорее всего, мы больше не сможем работать в этих краях, а то и вовсе попадем за решетку. Поэтому мною овладело невероятное чувство беспокойства, когда слухи о злополучном боксерском поединке стали расползаться по округе. Пробыло три, и мне в глаза ударил яркий лунный свет. Я перевернулся на другой бок, не желая вставать и опускать шторы. Вдруг послышался настойчивый стук в заднюю дверь.

Я продолжал лежать неподвижно, будто в оцепенении, но вскоре в мою комнату тихонько постучался Вест. Одет он был в ночную сорочку и тапочки, а в руках держал револьвер и электрический фонарь. Наличие оружия говорило о том, что мой приятель опасается скорее свихнувшегося итальянца, чем полиции.

«Пойдем вместе, — прошептал он. — Откликнуться все равно придется. Кто знает, может быть, это пациент. Бывают же идиоты, которые ломятся в заднюю дверь!»

И вот мы оба спустились по лестнице, крадучись и трепеща от страха, наполовину оправданного, но отчасти навеянного странной атмосферой самых темных ночных часов. Стук не прекращался и становился все громче. Добравшись до двери, я ее отпер и с силой толкнул. Она широко распахнулась, и нам явился силуэт в дверном проеме. И тут Вест совершил очень странный поступок. Несмотря на опасность привлечь внимание соседей и тем самым неприятности с полицией, которая непременно начала бы расследование (к счастью, нам удалось этого избежать благодаря тому, что дом стоял в отдалении), мой друг неожиданно, решительно и без особой необходимости выпустил все шесть револьверных нуль в ночного посетителя.

Гость наш оказался не итальянцем и не полицейским. В призрачном свете луны проступили жуткие очертания гигантской уродливой твари, какую можно вообразить лишь в ночном кошмаре: призрак с остекленевшими глазами стоял почти на четвереньках, чернильно-черный и грязный, облепленный раскисшими комьями глины, ошметками плесени и гнилых листьев, покрытый пятнами запекшейся крови, и сжимал в блестящих зубах белоснежный страшный предмет вытянутой формы, на конце которого болталась крохотная ладошка.

IV. Крик мертвеца

Впечатление, которое произвел на меня крик мертвого человека, многократно усилило

и обострило во мне ужас и чувство отвращения, омрачившие последние годы нашей совместной работы с доктором Гербертом Вестом. Разумеется, в том, что крик мертвеца вызвал ужас, нет ничего удивительного — такой опыт нельзя назвать ни приятным, ни обычным. Однако в моей жизни это происходило не впервые. И следовательно, ощущения были вызваны конкретными обстоятельствами. К тому же страх мой не имел отношения к воплям покойного. Он происходил из другого источника.

«Пойдем вместе, — прошептал он. — Откликнуться все равно придется. Кто знает, может быть, это пациент. Бывают же идиоты, которые ломятся в заднюю дверь!»

Дело в том, что научные интересы Веста, для которого я долгое время оставался верным товарищем, коллегой, единомышленником и помощником, простирались далее, чем это обычно бывает у провинциальных врачей. Именно поэтому, открывая практику в городке под названием Болтон, он выбрал для жилья и работы дом в стороне от прочего жилья и вблизи кладбища для бедняков. Если говорить коротко и называть вещи своими именами, то единственной и всепоглощающей страстью моего приятеля было тайное изучение феномена человеческой жизни и механизма ее прекращения. Изучение, целью которого являлась реанимация мертвых посредством внутривенной инъекции некоего возбуждающего эликсира. Для своих отвратительных экспериментов Вест должен был постоянно добывать свежие тела. Причем очень свежие (малейшее разложение наносило непоправимый урон клеткам мозга) и обязательно человеческие (каждому организму необходима своя инъекция). На начальном этапе Вест убивал и использовал для опытов кроликов и морских свинок, но эта дорога завела его в тупик: ни один эксперимент не удался в полной мере, потому что тушки были в плохом состоянии (протухшие). Требовались тела, которые едва покинула жизнь, без единой клетки, подвергшейся тлению, чтобы организм был готов получить новый импульс и возродиться. Теплилась надежда, что эта новая, искусственная жизнь может стать вечной благодаря повторению аналогичных инъекций. Однако, как показали исследования, естественные токи жизни к действию эликсира безразличны. Иными словами, чтобы по собственному хотению запустить жизненный процесс, его обычный ход должен прекратиться: тело должно быть еще очень свежим, но уже совершенно мертвым.

За решение этой фантастической задачи мы с Вестом взялись, будучи студентами медицинского факультета Мискатоникского университета в Аркхеме. Именно тогда мы вдруг впервые отчетливо осознали, что жизненный цикл имеет механическую природу.

С тех пор минуло семь лет, но Вест внешне никак не изменился — по-прежнему невысокий, светловолосый, чисто выбритый, с негромким и спокойным голосом, в очках. Лишь редкие отблески цвета стали в глубине все тех же голубых глаз свидетельствовать о том, что годы, проведенные в пугающих научных поисках и отвратительных экспериментах, ожесточили его характер и добавили одержимости. Опыты, которые мы ставили, нередко имели ужасающие последствия: в результате неполной или дефектной реанимации оживляющие растворы различного состава обращали комья кладбищенской глины в омерзительные, чудовищные и безмозглые существа.

Одна из этих тварей издала поистине убийственный вопль. Другая набросилась на нас, избивала до полусмерти, сбежала и металась по городу, пока ее не поймали и не упрятали в психушку. Третья — африканский урод — выбралась из неглубокой могилы и натворила

таких дел, что Весту пришлось застрелить ее из револьвера. До сих пор нам ни разу не удавалось заполучить достаточно свежее тело и добиться, чтобы после реанимации оно проявило хотя бы малейшие признаки разума. Как правило, мы невольно становились творцами неопикуемых кошмаров. Нам не давала покоя мысль, что один, а может быть, и двое наших подопытных до сих пор живы. Она неотступно преследовала нас, будто тень, пока Вест не исчез при самых пугающих обстоятельствах. Но в тот день, когда в подвальной лаборатории уединенного болтонского дома раздался крик, все наши страхи подчинились одному главному стремлению — найти новые образцы для экспериментов. Вест был одержим этим куда в большей степени, нежели я. Порой мне казалось, что он едва ли не кровожадно поглядывает на всякого живого человека, обладающего отменным здоровьем и крепким телосложением.

В июле 1910 года, после долгого периода мучений и неудач, фортуна нам улыбнулась. Я долго гостил у своих родителей в Иллинойсе, а когда вернулся, застал Веста в необыкновенно приподнятом состоянии духа. Он сообщил мне, что решил проблему, связанную с необходимостью использовать только свежие трупы: достаточно подойти к ней с другой стороны, а именно сохранять тело в нужном состоянии искусственным образом. Я и раньше знал, что мой компаньон работает над каким-то совершенно новым бальзамическим веществом, а потому не удивился, услышав о получении желаемого результата. Но до тех пор, пока Вест не посвятил меня в подробности, я не понимал, как это открытие поможет нам в дальнейших исследованиях, ибо нежелательная порча экспериментальных образцов всегда происходила до момента, когда нам удавалось получить их в свое распоряжение. Однако вскоре я понял, что Вест отдает себе полный отчет в происходящем, а новое бальзамическое вещество создал не для того, чтобы тотчас же пустить его в оборот — скорее желая припасти на будущее, ко времени, когда подвернется случай применить на практике. Он надеялся, что рано или поздно судьба вновь пошлет нам незахороненное тело какого-нибудь бедолаги. Как в тот раз, когда удалось раздобыть труп негра, умершего во время боксерского поединка в Болтоне.

И вот наконец судьба проявила к нам благосклонность: в потайной лаборатории лежало мертвое тело без малейших признаков разложения. Вест не решался предсказывать, к чему приведет новый эксперимент, — удастся ли полностью реанимировать этот экземпляр, в том числе восстановить его рассудок. В любом случае этот опыт станет решающим для дальнейших исследований. Поэтому мой приятель решил законсервировать тело и сохранить его до моего возвращения, чтобы, как обычно, провести эксперимент вдвоем.

Вест рассказал, откуда появился труп. Тело принадлежало сильному и энергичному мужчине, который приехал в Болтон для оформления какой-то сделки с местной камвольной фабрикой и только что сошел с поезда. Путь незнакомца лежал через весь город. К тому времени, как он добрался до нашего дома и постучал в дверь, чтобы спросить дорогу к фабрике, сердце его подверглось уже немалой нагрузке. Вест предложил что-нибудь выпить, но гость отказался и в следующее мгновение рухнул замертво. Неудивительно, что мой коллега принял этот случай как дар судьбы. За время недолгой беседы мужчина успел сообщить Весту, что в Болтоне его никто не ждет и не знает. Уже после печального происшествия, обыскав карманы покойного, Вест выяснил, что перед ним Роберт Ливитт из Сент-Луиса и что семьи у него нет, а значит, в ближайшее

время искать его никто не будет. Если нам не удастся вернуть этого человека к жизни, эксперимент останется в тайне. (В случае неудачного исхода мы хоронили экспериментальные образцы в густых зарослях леса, полосой тянувшегося между нашим домом и бедняцким кладбищем.) Если же воскрешение пройдет успешно, нам гарантирована громкая и пожизненная слава.

Взвесив все «за» и «против», мой приятель вколол в запястье мертвеца свой новый бальзамический состав, благодаря которому тело должно было избежать тления вплоть до моего приезда. Слабое сердце подопытного, которое, как мне представлялось, может негативно сказаться на итогах эксперимента, у Веста опасений не вызвало. На сей раз он очень надеялся хотя бы на кратковременную вспышку разума, а в идеале — на возрождение полноценного, живого существа.

И вот памятной ночью 18 июля 1910 года мы с Гербертом Вестом стояли под каменными сводами подвальной лаборатории, освещенной ярким светом дуговой лампы, и напряженно всматривались в белое неподвижное тело на столе. Бальзамический состав, изобретенный Вестом, оказался поистине чудодейственным: не веря своим глазам, я разглядывал крепкое, здоровое, упругое тело, которое пролежало здесь две недели и даже не заоченело. Я не удержался и на всякий случай переспросил, действительно ли этот человек мертв. Вест с готовностью разрешил мои сомнения, напомнив: нет никакого смысла опробовать реанимирующий раствор, если нет полной уверенности в том, что тело совершенно безжизненно. На организм, сохранивший хотя бы малейшие признаки естественной жизни, эликсир не оказывает ровным счетом никакого действия. По мере того как Вест продолжал готовиться к эксперименту, я все больше поражался тому, как усложнился этот процесс. Учитывая необыкновенную сложность всех процедур, мой коллега не смог бы доверить и части приготовлений даже самому опытному помощнику. Запретив мне прикасаться к трупам, он для начала сделал инъекцию в запястье, рядом с тем местом, где остался след от иглы, через которую ранее было введено бальзамическое вещество. Вест объяснил мне, что делает это для нейтрализации прежнего раствора и возвращения тела в первоначальное, естественное состояние, — лишь в этом случае реанимирующее вещество даст желаемый эффект. Прошло совсем немного времени, и тело как будто изменилось — его мертвые члены сотрясла легкая дрожь. Вест с силой придавил искаженное судорогой лицо мертвеца чем-то вроде подушки и не отпускал до тех пор, пока тело полностью не обмякло, — теперь оно было готово к реанимации. Бледный, охваченный каким-то сдержанным восторгом, Вест сделал последние пробы, чтобы убедиться в отсутствии любых признаков жизни. Наконец, удовлетворенный результатами, он ввел в левую руку покойника определенное количество живительного эликсира, приготовленного накануне днем с куда большей тщательностью, чем это делалось ранее. Мне недостает красноречия, чтобы описать то дикое, захватывающее дух нетерпение, с которым мы оба ожидали результатов эксперимента с этим первым по-настоящему свежим телом, оказавшимся в нашем распоряжении. Мы имели все основания ждать, что мертвец разомкнет губы и заговорит с нами разумно, осознанно и, возможно, поведаст о виденном по ту сторону неизреченной, неведомой и непреодолимой бездны.

Впрочем, Вест был материалистом, в существование души не верил и все проявления сознания считал результатом физиологических процессов. Он не ожидал услышать

никаких откровений, приподнимающих завесу над страшными тайнами небытия, поджидающего нас за гранью смерти. Отчасти я разделял его позицию, но все же во мне сохранились едва заметные следы примитивных верований, доставшихся в наследство от пращуров. Поэтому я не мог оторвать от трупа зачарованного взгляда; мои ощущения представляли смесь благоговейного страха и напряженного ожидания. Кроме того, я не мог вычеркнуть из своей памяти тот ужасный нечеловеческий вопль, который раздался в ночь самого первого эксперимента в заброшенном фермерском доме неподалеку от Аркхема.

Прошло немного времени, и я убедился, что текущий эксперимент уж точно не закончится полным провалом. Щеки трупа, прежде белые как мел, обрели нежный оттенок, который распространился по всему лицу и проник даже под обширно разросшуюся рыжеватую щетину. Вест, который все это время не отрывал руку от левого запястья мертвеца, вдруг кивнул со значительным видом. Почти в тот же самый момент зеркало, поднесенное ко рту трупа, подернулось дымкой. После нескольких резких судорог грудь подопытного начала вздыматься и опускаться, а дыхание стало отчетливо слышным. Я перевел взгляд на сомкнутые веки, и мне показалось, что они дрогнули. Вдруг веки приоткрылись, и из-под них показались глаза — серые, спокойные и живые, но пока еще лишенные искры разума и даже самого обыкновенного любопытства.

Словно во власти нелепой фантазии, я припал к розовеющему уху и стал шептать вопросы об иных мирах, память о которых, возможно, полностью не улетучилась. Охвативший меня позже ужас заставил забыть, о чем именно я спрашивал; помню только последний вопрос, который я повторил несколько раз: «Где ты был?» Не могу точно сказать, был ли получен ответ, во всяком случае, до того момента тонко очерченные губы подопытного оставались плотно сомкнутыми. Вдруг мне показалось, что они беззвучно шевелятся, и движение это, если его озвучить, могло бы составить два слова: «лишь теперь», хотя смысл непонятен, как и отношение этой фразы к моим вопросам. Повторяю, в тот момент все мое существо охватило ликование. Я был убежден, что нам удалось достичь по крайней мере одной из важнейших целей: впервые за годы исследований подопытное существо произнесло членораздельные слова, причем вполне осмысленные. Спустя мгновение полный успех эксперимента не оставлял уже никаких сомнений: реанимирующий раствор, по крайней мере временно, выполнил свою функцию — восстановил в мертвом теле все жизненные процессы, включая разумную деятельность. Но триумф этот вызвал несказанный ужас, связанный вовсе не с тем, что мертвец вдруг заговорил, а со страшным поступком, которому я оказался свидетелем и который был совершен моим коллегой и другом.

Это драгоценное, чудесным образом доставшееся нам свежее тело, мучительно содрогнувшись, обрело ясность сознания. Его глаза расширились, отразив воспоминание о последних мгновениях земного существования. Оно яростно вскинуло руки, словно не на жизнь, а на смерть сражаясь с пустотой, и опять, уже окончательно, вернулось в небытие, издав напоследок крик, который вечно будет звучать в моем раздираемом болем мозгу: «Помогите! Не смей меня трогать, ты, очкарик белобрысый! Ты маньяк! Убери от меня свою дурацкую иглу!»

V. Кошмар из черных теней

Военные часто рассказывают об ужасных событиях, которые происходили на полях сражений во время Первой мировой войны. О многих из них газеты умалчивали. Мне пришлось увидеть и испытать такое, от чего я порой терял сознание, а иногда бился в конвульсиях и выворачивался наизнанку от рвоты. Бывало, дрожал как осиновый лист и с опаской глядел через плечо, силясь различить силуэт в непроглядной тьме. Всякое переживал. А теперь поведаю о самом страшном, что случилось со мной во время войны, — о невообразимом и реальном кошмаре, неожиданно родившемся из ночных теней.

В 1915 году я оказался во Фландрии вместе с Канадским корпусом, где служил врачом в ранге первого лейтенанта; был в числе многих американцев, ринувшихся в эту мясорубку еще до того, как наше правительство официально объявило о своем участии. Не могу сказать, что я отправился в армию по собственному желанию, скорее, последовал за человеком, которому на протяжении многих лет помогал проводить научные изыскания и который сам решил отправиться на фронт добровольцем. Да, речь именно о нем — о прославленном хирурге из Бостона Герберте Весте. Он с жадностью ухватился за данную судьбой возможность стать военным врачом, и меня он увлек за собой, едва не насильно. У меня были веские причины надеяться на то, что война нас разлучит. Всеми виной события прошлого, из-за которых общая медицинская практика и сотрудничество с Вестом меня все более тяготили. Однако, когда он уехал в Оттаву и, воспользовавшись связями одного из коллег, получил назначение на медицинскую службу в звании майора, я-таки не смог устоять перед его настойчивой просьбой (почти приказом) и уступил — отправился вместе с ним, чтобы выполнять свои обычные обязанности.

Говоря, что Вест жаждал принять участие в войне, я не имею в виду воинственный нрав моего компаньона или его обеспокоенность судьбой европейской цивилизации. Это был человек совсем иного склада — холодный как лед, бледнолицый и светловолосый, с голубыми глазами за стеклами непреременных очков, худой, невысокий — бесчувственная машина, лишенная эмоций и полностью подчиненная интеллекту. Полагаю, что про себя он насмеялся над возникавшими у меня иногда порывами воинственного энтузиазма и неодобрением, которое я высказывал в адрес некоторых стран, сохранявших нейтралитет. И все же нечто влекло Веста в охваченную боями Фландрию, что-то такое, ради чего он принял на время личину воина.

Однако его настоящие устремления были связаны со специфической областью медицинской науки, с которой мой приятель давно, втайне от окружающих, связал свою судьбу и в которой достиг необычайных, поразительных и отчасти пугающих результатов. На полях сражений его привлекало, ни много ни мало, обилие мертвых тел, не тронутых разложением и при этом лишенных конечностей и иных членов.

Свежие трупы требовались Герберту Весту потому, что делом его жизни стало изобретение способа реанимации мертвецов. Разумеется, приличная публика, составившая его клиентуру по приезду в Бостон и почти в одночасье сделавшая его богатым и знаменитым, ничего не знала об этих зловещих изысканиях. Зато мне, ближайшему другу и единственному помощнику со времен учебы в Аркхеме на медицинском факультете Мискатоникского университета, все было известно до

мельчайших подробностей. Свои жуткие эксперименты он начал еще в юности: опыты на мелких животных, затем с человеческими трупами, которые приходилось добывать самыми отвратительными способами. Он вкалывал мертвецам в вену особый раствор и, если тело оказывалось достаточно свежим, наблюдал за весьма странной реакцией подопытного. Открытие точной формулы оживляющего эликсира далось Весту нелегко: над ним пришлось упорно работать, так как каждому организму требуется свой уникальный состав. Ужас охватывал моего друга при воспоминании о неудачных реанимациях: если тела успевали подвергнуться разложению или растворы оказывались неверно составленными, на свет появлялись отвратительные чудовища. Некоторые из них до сих пор живы. Одно заперто в сумасшедшем доме, а остальные сбежали. Поэтому Вест, несмотря на свою обычную невозмутимость, порой ежилась, представляя маловероятные, но теоретически возможные последствия новой встречи с этими тварями.

Мой приятель довольно быстро убедился, что главное качество, которым должен обладать труп, пригодный к использованию,— это свежесть, и потому, стремясь раздобыть подходящий материал, прибегал к средствам, наводившим на меня ужас. Во время нашей совместной работы в университете, сразу после знакомства и позже, когда мы начали медицинскую практику в фабричном городке Болтон, я испытывал к своему другу чувство, близкое к благоговению. Но по мере того, как он становился все менее разборчив в средствах добычи трупов, меня стал мучить страх. Мне очень не нравились взгляды, которые он бросал на живых и здоровых людей. В конце концов, по ходу одного из экспериментов в нашей секретной лаборатории, расположенной в подвале одиноко стоящего на окраине Болтона дома, я узнал, что подопытный был жив в тот момент, когда Вест решил заполучить его для опытов. Тогда моему коллеге впервые удалось возродить в мертвом теле способность к рациональному мышлению. Неудивительно, что успех, полученный такой страшной ценой, окончательно ожесточил его сердце.

С тех пор прошло пять лет, и у меня язык не поворачивается рассказывать о тех методах, которыми Вест пользовался все эти годы для добычи экспериментального материала. Только страх удерживал меня возле него; мне пришлось стать свидетелем таких сцен, о которых я не в состоянии вспоминать, не то что говорить. Постепенно сам Герберт Вест стал вызывать во мне куда больший ужас, нежели все, что он натворил; случилось это, когда я вдруг осознал, что здоровый научный интерес к проблеме продления человеческой жизни выродился у него в болезненное, омерзительное любопытство и противоестественное любование смертью, тлением. Некогда вызывавший уважение и даже восхищение исследовательский азарт стал дьявольской, патологической одержимостью, чем-то зловещим, отталкивающим, извращенным, чему и названия-то не подобрать. Вест спокойно разглядывал искусственно созданных им невероятных чудовищ, от одного взгляда на которых обычный человек умер бы на месте от ужаса и отвращения. За неприметной внешностью тщедушного интеллектуала таился изощренный ценитель эстетики безобразного, этакий Бодлер-экспериментатор, кладбищенский Элагабал.

Он твердо смотрел в лицо любой опасности, совершал убийства расчетливо и хладнокровно.

Думаю, перелом произошёл, когда стало очевидно, что его открытие позволяет восстановить разумную деятельность человеческого сознания. Тогда-то ему и стало тесно в рамках отработанных теорий и захотелось исследовать неведомые миры. И мой прежний друг поставил перед собой новую задачу: реанимировать отдельные части человеческого тела. Он излагал крайне дикие и нелепые теории о том, что клетки тканей и даже нервные клетки, вырванные из естественного физиологического окружения, жизнеспособны независимо от системы организма. Ему удалось получить некоторые предварительные результаты — довольно жуткие, надо сказать, — в виде фрагментов живой ткани, которые не умирали, получая все необходимые для жизнедеятельности вещества искусственным образом. Ткань была получена из почти полностью вызревших яиц какой-то неопишуемой тропической рептилии.

Самый большой интерес у него вызывали два вопроса: во-первых, можно ли сохранить хотя бы малую долю разума и сознания при отсутствии головного мозга (скажем, в спинном мозге или нервных узлах) и, во-вторых, существует ли неосязаемая и нематериальная связь между хирургически разделёнными частями тела, ранее составлявшими единый живой организм. Поиск ответов требовал постоянных и обширных поставок экспериментального материала в виде свежерасчленённых человеческих тел. Поэтому Герберт Вест и отправился на войну.

В конце марта 1915 года, ночью, в полевом госпитале за линией фронта недалеко от Сент-Элуа, произошло невероятное событие. По сей день я спрашиваю себя: а было ли это на самом деле и не стал ли я жертвой безумного, дьявольского наваждения? В восточном крыле временного строения, напоминавшего барак, Вест организовал особую лабораторию, право на которую он выхлопотал под предлогом разработки новых радикальных методов лечения страшных увечий, до сих пор считавшихся безнадежными. Там он ставил свои эксперименты, орудуя, словно мясник, окровавленными шматами человеческих тел. Я так и не сумел привыкнуть к тому, насколько спокойно и легко он берет в руки и перекладывает с места на место некоторые предметы. Бывало, оперируя солдат, Вест творил настоящие чудеса. И все же с куда большим удовольствием он делал другие операции, о которых никто не знал и которые не отличались человеколюбием. Порой из лаборатории доносились необъяснимые и неестественные даже для войны звуки; приходилось их как-то оправдывать. Например, звучали револьверные выстрелы, типичные для полей сражений, но подозрительные на территории госпиталя. Дело в том, что доктору Весту не требовалось, чтобы воскресшие пациенты прожили долгую жизнь. И уж тем более он не хотел демонстрировать их посторонним. Кроме тканей человеческого тела, мой приятель использовал в опытах ткани эмбрионов рептилий, которые он научился удивительным образом поддерживать в жизнеспособном состоянии. Их фрагменты, отделённые от организма, были более склонны к изолированному существованию, чем ткани человека, а потому вызывали огромный интерес у Веста. В самом темном углу лаборатории стоял чан, закрытый крышкой, под которым располагалась горелка странной конструкции — что-то вроде инкубатора. Чан этот был до краёв наполнен бесформенной клеточной тканью рептилий, которая постоянно увеличивалась в объёме, бурно вздувалась и выглядела отвратительно.

Той ночью, о которой я хочу рассказать, в руках у нас оказался великолепный образец для эксперимента — мужчина, одновременно сильный физически и превосходно развитый в умственном плане, что не оставалось сомнений в крайней чувствительности его нервной системы. Я увидел в этом иронию судьбы: человек, о котором идет речь, был тем самым офицером, который помог Весту получить желанное назначение, и к тому же нашим коллегой. Более того, некогда он тайно изучал теорию реанимации, отчасти под руководством Веста. Майор сэр Эрик Морланд КлапамЛи имел орден «За безупречную службу» и был самым выдающимся хирургом нашего корпуса. Когда известие о тяжелых боях в районе Сент-Элуа достигло штаба, его спешно командировали к нам в госпиталь. Майор немедленно вылетел на место назначения вместе с бесстрашным лейтенантом Рональдом Хиллом. Однако перед заходом на посадку самолет был сбит. Падение выглядело очень эффектно и ужасно. Тело пилота было обезображено до неузнаваемости, зато труп хирурга остался практически целым, за исключением одного нюанса — голова буквально висела на волоске. Вест с жадностью заграбастал себе это тело, некогда бывшее его другом и братом по ученому цеху. Меня бросило в дрожь, когда я увидел, как он окончательно отделяет голову-мертвеца от туловища и кладет ее в дьявольский чан, полный упругой клеточной ткани рептилий, чтобы сохранить в свежем состоянии для дальнейших экспериментов, а затем продолжает возиться с обезглавленным телом на операционном столе. С помощью шприца Вест ввел в него свежую кровь; соединил несколько вен, артерий и жил, торчащих из рассеченной шеи, а потом прикрыл страшную рану, пересадив на нее кусок кожи с неопознанного трупа, одетого в офицерскую форму. Я знал, для чего нужны все эти процедуры: Вест хотел выяснить, сможет ли тело погибшего коллеги, лишенное головы, проявить признаки высокоорганизованного сознания, которым, вне всяких сомнений, обладал сэр Эрик Морланд Клапам-Ли. Человек, который и сам прежде интересовался теорией реанимации, обратился ныне в бессловесный труп; ему предстояло стать наглядной иллюстрацией данной теории.

До сих пор я в мельчайших подробностях помню эту страшную картину: Герберт Вест в зловещем свете электрических ламп склонился над обезглавленным телом, чтобы вколоть в его левую руку реанимирующий раствор. Впрочем, у меня не хватило бы слов для красочного описания этой сцены. Даже если бы я попытался, непременно лишился бы сознания от отвращения: операционная наполнилась ужасом и безумием; всюду были расставлены и разложены предметы самого зловещего вида; скользкий пол едва не по щиколотку залит кровью и мелкими фрагментами человеческих тел; а в углу, среди черных теней, на тускло мерцающем и будто злобно подмигивающем сине-зеленом пламени зрело, пухло и пузырилось жуткое вещество, полученное из клеточной ткани неведомых рептилий.

Новый экспериментальный образец — Вест повторил это несколько раз! — обладал превосходно развитой нервной системой. На него возлагались большие надежды. Когда труп несколько раз судорожно дернулся, я увидел, что на лице Веста отразилось несвойственное этому человеку лихорадочное возбуждение. Полагаю, он ожидал, что на сей раз ему предстоит окончательно убедиться в справедливости своей теории о том, что сознание, разум и личность способны существовать независимо от головного мозга. Иными словами, Вест верил, будто в человеке нет никакого объединяющего центра,

который можно было бы назвать душой; что человек — не более чем машина, оборудованная нервной системой, состоящей из нескольких секторов, каждый из которых имеет определенную самостоятельность. И вот теперь с помощью одного-единственного триумфального эксперимента он намеревался перевести сокровенную тайну человеческой жизни в область мифологии. Труп между тем все сильнее содрогался и под нашими жадными взглядами вдруг начал совершать поистине жуткие движения: его руки беспокойно взметнулись вверх, ноги вытянулись, а все мышцы дергались и извивались, как в неведомом танце. Картина была отвратительная. Затем жуткое безголовое существо широко взмахнуло руками; смысл этого жеста был понятен — он выражал отчаяние, осознанную и осмысленную безнадежность. Нам предстало очевидное, неопровержимое свидетельство абсолютной справедливости теории Веста. Нервная система подопытного явно «вспоминала» последние действия, которые он успел совершить в конце жизни, пытаясь выбраться из падающего самолета.

Что именно произошло потом, я уже никогда не смогу вспомнить. Это могла быть галлюцинация, вызванная шоком от взрыва германского снаряда, который в тот самый момент угодил в здание госпиталя и разрушил его до основания. Теперь установить правду невозможно. По официальным же данным, кроме нас с Вестом, не выжил никто. Сам Вест до своего недавнего исчезновения предпочитал думать именно так, но порой его мучили сомнения: странно, что два человека увидели одно и то же. Событие, ужаснувшее нас, казалось, не было таким уж страшным, если бы не его последствия.

Лежавшее на столе тело вдруг поднялось и стало ощупывать окружающее пространство. Вдруг мы услышали странный звук. У меня язык не поворачивается назвать его «голосом», настолько это было ужасно; не столько своим тембром и даже не сутью сказанного — он всего-навсего крикнул: «Прыгай же, Рональд, ради всего святого, прыгай!» Ужас внушал источник этого звука, который располагался в большом чане под крышкой, стоящем на тусклой горелке в окутанном черными трепещущими тенями углу.

VI. Легион мертвецов

Год назад, после исчезновения доктора Герберта Веста, полиция Бостона подробно допросила меня об особенностях нашей совместной многолетней работы и обстоятельствах последней встречи. Полицейские подозревали, что я о многом умалчиваю, вероятно, даже догадывались об истинных причинах моей скрытности: я не мог рассказать им всю правду просто потому, что они мне не поверили бы. Они знали, что деятельность Веста была связана с такими вещами, которые обычному человеку трудно вообразить. Мой коллега с увлечением и самоотдачей занимался исследованием природы жизни и смерти и при этом ставил эксперименты на человеческих трупах, пытаясь их реанимировать. Держать столь активную деятельность в полном секрете от окружающих было невозможно. Что касается последней катастрофы, свидетелем которой я оказался, то ее обстоятельства были настолько чудовищны и невероятны, что я и сам не уверен в реальности происшедшего.

Долгие годы я являлся самым близким другом Веста и его тайным помощником. Познакомились мы очень давно, еще во время учебы на медицинском факультете, и я с самого начала принимал участие в его жутких исследованиях. Вест медленно, но верно

совершенствовал свое изобретение — оживляющий раствор, который вводился посредством инъекции в тело недавно скончавшегося человека и возвращал покойного к жизни. Для работы над ним все время требовался свежий экспериментальный материал, причем в большом количестве. Чтобы его добыть, нам приходилось идти на самые отвратительные поступки. Но даже это было не самым страшным. Куда ужаснее оказались жуткие твари, созданные Вестом в результате неудачных опытов, — несколько ходячих груд мяса, оживленных мертвецов, безумных, бесчувственных и тошнотворных, лишенных всего человеческого. В этих неудачах не было ничего удивительного: сознание и разум можно восстановить только в очень свежих телах, поскольку клетки головного мозга весьма чувствительны и начинают разрушаться при первых признаках разложения.

Необходимость постоянно добывать мертвые тела для экспериментов в конце концов привела к нравственной гибели Герберта Веста. Найти свежий труп и заполучить его в свое полное распоряжение было непросто. В итоге настал день, когда Вест вцепился в живого и совершенно здорового человека и использовал его тело для опытов. Борьба, укол и сильнодействующий алкалоид превратили его в труп первой категории; эксперимент удался. Результат был недолговечен, но запомнился мне на всю жизнь. С тех пор душа Веста огрубела и будто иссохла, взгляд стал тяжелым. Он оценивающе поглядывал на людей крепкого физического здоровья и высокой нервной организации. К несчастью, я сам обладал первым качеством и с некоторых пор стал до смерти бояться своего друга, поскольку заметил, что он и на меня порой бросает плотоядные взгляды. Посторонние люди ничего не замечали, зато я все видел, чувствовал и понимал.

После исчезновения Веста у многих возникли нелепые подозрения на мой счет. На самом деле мой друг боялся гораздо больше, чем я. Ведь гнусное дело, которому он посвятил свою жизнь, требовало скрытности и постоянных ухищрений. Неудивительно, что даже собственная тень заставляла его вздрагивать. Отчасти он боялся полиции, но гораздо чаще его маниакальный страх имел куда более смутные причины, связанные с ужасными тварями, которых он некогда реанимировал, принудив к противоестественному, мучительному существованию, в ряде случаев так и не прекратившемуся. Обычно в подобных ситуациях Вест прибегал к помощи револьвера, но нескольким тварям все же удалось ускользнуть. Во-первых, мы ничего не знали о судьбе нашего первого подопытного; на месте его могилы обнаружили странные следы, будто кто-то рыл землю. Во-вторых, было живо тело профессора из Аркхема, которое совершило несколько актов каннибализма. Его поймали и, не опознав, упрятали в сумасшедший дом в Сефтоне, где оно в течение шестнадцати лет колотилось головой о стены. Говорить о других выживших и вовсе не поворачивается язык: в последние годы благородный научный интерес Веста превратился в патологическую, кошмарную манию. Он бросил все силы на оживление отдельных фрагментов человеческих тел, а также частей, приживленных к другой органической материи, уже не человеческой. К тому моменту, когда Вест исчез при таинственных обстоятельствах, его работа превратилась в бессмысленный и омерзительный садизм; о многих экспериментах я даже намекнуть не могу в печати. А Первая мировая война, в которой мы оба участвовали в качестве хирургов, лишь усилила маниакальные наклонности Веста.

Называя его страх перед собственными творениями «смутным», я хочу сказать, что это чувство имело сложную и противоречивую природу. Отчасти оно происходило от сознания, что эти чудовища по-прежнему существуют на свете, а отчасти — от понимания того, какие страшные увечья они могут нанести своему создателю, если обстоятельства сложатся неудачно. Исчезновение подопытных усугубляло ситуацию: Весту было известно местонахождение только одного — несчастного узника сумасшедшего дома. И еще более странное чувство страха, совершенно особое, возникло у моего приятеля после любопытного эксперимента, проведенного в 1915 году в госпитале канадской армии. Во время ожесточенного боя Вест реанимировал майора сэра Эрика Морланда Клапама-Ли, кавалера ордена «За безупречную службу», нашего общего коллегу-врача, который располагал достаточными сведениями об экспериментах Веста и мог при необходимости воспроизвести его опыты. Голову майора отделили от тела, чтобы выяснить, способно ли туловище к какой-либо самостоятельной квазиразумной деятельности. За секунду до того, как здание госпиталя было уничтожено германским снарядами, стало ясно, что эксперимент удался. Обезглавленное туловище произвело ряд вполне осмысленных движений. Как бы дико это ни звучало, мы с Вестом оба были совершенно уверены, что отсеченная голова трупа, лежавшая в самом дальнем и темном углу лаборатории, при этом издавала членораздельные звуки. Разрыв снаряда милосердно прервал тошнотворную сцену. Однако Вест явно предпочел бы иметь больше уверенности в том, что мы с ним оказались единственными, кто выжил. Он нередко высказывал леденящие душу предположения относительно того, что мог делать, оказавшись на свободе, безголовый врач, умеющий реанимировать мертвых.

Последняя штаб-квартира Веста располагалась в очень изящном старинном особняке, окна которого выходили на одно из старейших кладбищ Бостона. Причины, по которым Вест решил поселиться здесь, имели символический и отчасти эстетический (как это ни странно звучит) характер — большинство захоронений на этом кладбище были сделаны еще в колониальную эпоху, а потому не могли принести никакой пользы естествоиспытателю, нуждающемуся в исключительно свежих трупах. В секретной лаборатории, которую бригада рабочих, специально привезенных из другого города, устроила под домом, ниже подвального помещения, имелась большая кремационная печь. Она позволяла бесшумно и незаметно избавляться от трупов, отдельных частей человеческих тел и их синтетических симуляторов — одним словом, от всего, что оставалось после безумных экспериментов и богопротивных развлечений владельца.

Выкапывая в подвале котлован для лаборатории, рабочие наткнулись на фрагмент старинной каменной кладки. По всей видимости, она была как-то связана с кладбищем, однако находилась слишком глубоко, чтобы можно было отнести ее к одной из сохранившихся гробниц. Произведя несложные расчеты, Вест пришел к выводу, что кладка принадлежит стене какого-то потайного помещения, расположенного под семейным склепом Эйврилл, чье последнее захоронение датировалось 1768 годом. Я присутствовал при этом неожиданном открытии и видел, с каким выражением лица Вест изучает поверхность изъеденной временем, влажной от конденсата стены, очищенной от земли лопатами и мотыгами. Я полагал, что возможность открыть вековые тайны, спрятанные под склепом, вызовет в нем болезненный, извращенный восторг. Однако на сей раз боязливость, которую я в последнее время все чаще замечал, впервые

одержала верх над врожденным любопытством. Былая сила духа изменила Весту, и он выдал свой страх, приказав оставить стену на месте и даже заштукатурить ее. Так она и стояла до той адской ночи.

Я говорю, что мой приятель начал слабеть, деградировать, но исключительно в психическом плане, и перемены эти были едва уловимы. Внешне он ничуть не менялся: был невозмутим и хладнокровен, та же худощавая невысокая фигурка, соломенного цвета волосы и голубые глаза за стеклами очков. Он по-прежнему казался молодым человеком, несмотря на прошедшие годы и мучившие его страхи. Даже вспоминая о той могиле, которую кто-то пытался разрыть голыми руками, и со страхом глядя через плечо, даже думая о страшной кровожадной твари, грызущей зубами решетку своей клетки в сефтонской психиатрической лечебнице, Вест внешне оставался спокойным.

Началом конца для Герберта Веста стало событие, о котором мы узнали однажды вечером, когда мирно сидели в общем рабочем кабинете. Вест расположился за столом, с любопытством переводя взгляд с меня на газету и обратно. В глаза ему бросился странный заголовок на скомканном листе. Казалось, огромная когтистая лапа дотянулась до нас из прошлого, из того далекого дня шестнадцать лет назад. В пятидесяти милях от нас, в сефтонском сумасшедшем доме, произошло невероятное событие, которое привело в ужас всю округу и сбило с толку полицию. Рано утром, перед рассветом, на территорию лечебницы вошла группа безмолвных мужчин. Их предводитель разбудил санитаров и сиделок. Это был зловещего вида военный офицер; когда он говорил, губы его не двигались, как у чревоушателя, а голос, казалось, раздавался из гигантского черного чемодана, который он нес в руках. Лицо, лишенное мимики, было очень красиво, если не сказать — ослепительно-прекрасно. Однако, когда его озарил электрический свет, директор лечебницы пришел в ужас, ибо увидел, что лицо вылеплено из воска, а глаза отлиты из разноцветного стекла. По-видимому, этот человек стал жертвой невообразимого несчастного случая. Ориентироваться в пространстве ему помогал очень крупный мужчина — донельзя уродливый увалень, синюшное лицо которого было будто разъедено какой-то неведомой хворью. Предводитель обратился к администрации лечебницы с просьбой, чтобы ему передали на попечение людоеда, доставленного шестнадцать лет назад из Аркхема. Получив отказ, незнакомец дал сигнал к началу внезапного нападения. Негодяи избili всех сиделок и санитаров, которые не успели сбежать, четверых даже убили и в конце концов освободили чудовище. Пострадавшие, которые могли говорить о происшествии без истерики, клялись и божились, что бандиты действовали не как люди. Скорее они напоминали жуткие машины, управляемые предводителем с восковым лицом. К тому времени, как подросла подмога, странные посетители и захваченный ими безумец исчезли без следа.

Прочитав эту статью, Вест до полуночи просидел будто парализованный. В полночь в дверь позвонили. При этом звуке он вздрогнул всем телом. Поскольку слуги уже спали у себя на чердаке, открыть пришлось мне. Как я впоследствии сообщил полиции, никакой повозки на улице не было — лишь группа людей странного вида, которые внесли в переднюю большой квадратный ящик и поставили его на пол. Затем один из них пробормотал очень неестественным голосом: «Экспресс-доставка по предоплате». После этого они вывалились обратно на улицу и подпрыгивающей походкой направились прочь. Как это ни нелепо, но мне показалось, что они двинулись в сторону старого

кладбища, к которому примыкал задний фасад нашего дома. Когда я вернулся в дом и захлопнул входную дверь, Вест спустился в переднюю и взглянул на ящик. Тот имел форму правильного куба, около двух футов в длину, ширину и высоту. На нем было четко указано имя Веста и его последний адрес. Рядом красовалась следующая надпись: «От Эрика Морланда Клапама-Ли, Сент-Элуа, Фландрия». За шесть лет до этих событий руины госпиталя, в который попал германский снаряд, погребли под собой обезглавленное реанимированное тело доктора Клапама-Ли и его отсеченную голову, издававшую, как нам тогда показалось, членораздельные звуки.

Было бы неверно сказать, что посылка привела Веста в крайнее возбуждение. Его душевное состояние являло образец ужаса. «Это конец, — сказал он. — Но все равно давай сожжем эту штуку». Напряженно прислушиваясь, мы отнесли ящик вниз, в лабораторию. Разумеется, многие подробности стерлись из моей памяти — можете себе представить, в каком смятении я пребывал. Но те, кто говорит, что я сжег в кремационной печи тело Веста, — гнусные лжецы. Мы вместе подняли деревянный ящик, поместили его в печь, закрыли заслонку и включили электропитание. За все это время внутри не раздалось ни единого звука.

Вест первым заметил, что с древней стены, отделявшей лабораторию от старинного склепа, местами посыпалась штукатурка. Я хотел было удрать, но он меня остановил. В стене показалось маленькое черное отверстие, пахнуло затхлым ледяным воздухом, могильной землей и перегноем. Все происходило в полной тишине. Вдруг электрические лампы погасли, и в призрачном свете, словно из преисподней, я увидел силуэты множества странных существ, породить которых могло только безумие или что похуже. Они сосредоточенно разбирали стену. Среди них были человеческие, получеловеческие, частично человеческие и вовсе не человеческие силуэты — разнородное стадо гротескных существ. Медленно, не спеша, тихо, один за другим они вынимали камни из вековой кладки. Затем, когда пролом оказался достаточно велик, они всей толпой ввалились в лабораторию под руководством обладателя красивой восковой головы. Кошмарное чудовище с безумным взглядом выскочило из-за его спины и схватило Веста. Тот не сопротивлялся и не издал ни звука. Все твари разом набросились на него и растерзали прямо у меня на глазах, а куски забрали с собой в таинственную и страшную каменную пещеру подземного склепа. Голову Веста унес предводитель, одетый в форму офицера канадской армии. За мгновение до ее исчезновения во тьме я увидел, как в голубых глазах за стеклами очков появились первые жуткие признаки безумного, нескрываемого ужаса.

Утром слуги нашли меня без сознания. Вест исчез. В кремационной печи не было ничего, кроме пепла. Следователи начали меня допрашивать, но что я мог им рассказать? В связи сефтонской трагедии с исчезновением Веста они не поверят, как не поверили в существование ночных посетителей, доставивших нам квадратный ящик. Когда я рассказал о подземном склепе, они показали мне стену, покрытую нетронутым слоем штукатурки, и рассмеялись. Поэтому об остальном я решил умолчать. Полицейские думают, что я безумец либо убийца. Вероятно, я действительно лишился рассудка. А коли так, это могло случиться лишь оттого, что проклятые мертвецы не произнесли ни единого звука.

Перевод: А. Сипович, 2010 год